

ГЕНРИ ДЭВИД
ТОРО

**УОЛДЕН,
или ЖИЗНЬ
В ЛЕСУ**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.111-94(73)+1
ББК 84(7Coe)-44+87.3
Т61

Henry David Thoreau
WALDEN, OR LIFE IN THE WOODS

Торо, Генри Дэвид.

Т61 Уолден, или Жизнь в лесу / Генри Дэвид Торо ; [перевод с английского М. Крузе]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.— (Книги, о которых говорят).

ISBN 978-5-04-214661-9

«Уолден, или Жизнь в лесу» — одна из самых популярных книг американского автора Генри Дэвида Торо, впервые опубликованная в 1854 году и ставшая классикой в истории мировой литературы и самой цитируемой книгой среди путешественников.

В этой автобиографической книге автор Генри Торо подробно описывает свой опыт проживания в одиночестве на берегу Уолденского пруда в лесах Массачусетса, куда он уехал на несколько лет. Он построил хижину и провел там два года, два месяца и два дня, полностью отказавшись от достижений цивилизации.

**УДК 821.111-94(73)+1
ББК 84(7Coe)-44+87.3**

*Намерение мое — отнюдь не написать
оду хандре, а побахвалиться так же охотно,
как вскакивающий утром на насест петух,
хотя бы для того, чтобы пробудить соседей.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие, Джон Апдайк	7
Хозяйство	26
Где я жил и зачем я жил	106
Чтение	125
Звуки	137
Одиночество	155
Посетители	165
Бобовое поле	180
Поселок	193
Пруды	199
Ферма Бейкера	225
Высшие законы	234
Дикие соседи	246
Новоселье	260
Бывшие обитатели и зимние гости	277
Зимние животные	292
Пруд зимой	302
Весна	318
Послесловие	337

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спустя полтора века после первой публикации книга «Уолден» стала настоящим символом природозащитного, антирыночного и антигосударственного мировоззрения, под девизом «Назад, к природе». А сам Генри Торо такой пылкий оппозиционер, образцовый сумасброд и святой отшельник, что его творение рискует превратиться в Библию — столь же почитаемую всеми, сколь и не читаемую. Лучшие образцы американской классической литературы, в изобилии появившейся в середине девятнадцатого века — «Алая буква» Готорна (1850 г.), «Моби Дик» Мелвилла (1851 г.) и «Листья травы» Уитмана (1855 г.), — стали наиважнейшим «удобрением почвы» к современному американскому самосознанию. К ним можно добавить потрясший всю страну бестселлер «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу (1852 г.) и множество эссе Эмерсона. «Уолден» в этом смысле внес наибольший вклад. В нашу эпоху информационного стресса, оглушающей пустоты и заполонивших все электронных игр, среди удрученных, во всем сомневающих, лишенных работы людей, до сих пор сохраняется мечта: построить домик в лесу, и тем самым преобразовать, упростить и очистить свою жизнь. Говоря звучными словами Торо, «бороться только с существенными жизненными обстоятельствами». Благодаря этому и процветает так называемая индустрия отдыха. Растут продажи автодомов, а выходные люди проводят в загород-

ных домах, построенных в северных лесах или западных горах, где почти нет промышленности и торговли. «Упрощай, упрощай», — советует «Уолден», и мы пытаемся, пытаемся. Несмотря на то, что в двадцать первом веке стремление к деревенской природной простоте сопряжено с дороговизной и транспортными хлопотами.

Торо, несомненно, одобрил бы современные попытки осмыслить его взгляды и последовать примеру. «Уолден» нацелен на преобразование, а спорная цель писателя придает этой книге энергию и напор, как-то затерявшиеся в многословии второго сочинения, увидевшего свет при короткой жизни автора, — «Неделя на реках Конкорд и Мерримак» (1849 г.).

Как и «Неделя», «Уолден» пестрит воспоминаниями. Он стал плодом постоянного переосмысливания и детализации семи известных черновиков. Торо защищает свое странное затворничество, заявляя с самого начала о себе энергичным и шутливым тоном:

«Я бы не стал посвящать читателей во все подробности своей жизни, если бы не настойчивые расспросы земляков, интересующихся моим бытием. Кто-то счел бы их неуместными, но мне они таковыми не казались, а учитывая обстоятельства, они более чем естественны и актуальны».

Далее описаны обстоятельства, неудовлетворенность повседневностью и мелочными заботами, царившими в окружающем его обществе, а также главное желание — «жить осмысленно, бороться только с существенными жизненными обстоятельствами и осознавать, смог ли я усвоить жизненные уроки. Чтобы не обнаружить в смертный час, что и не жил вовсе». Впрочем, он невольно умалчивает о весьма практичном побуждающем мотиве: желании стать писателем. И, как у многих коллег, нужде в уединен-

ности, тишине и «просторе», где мог бы бродить его разум.

Весной 1845 года Торо построил однокомнатный домик на землях своего наставника Эмерсона, более чем в миле к югу от городка Конкорд, и переехал в него 4 июля, провозгласив собственную независимость. В последующие два года он закончил набросок «Недели на реках Конкорд и Мёрримак», позже дополненный. В основу лег сплав на каноэ, совершенный вместе с братом Джоном в 1838 году. Там же написаны первый черновик «Уолдена» и длинное эссе, посвященное Томасу Карлайлу, часть из которого прочитана как лекция в лицее Конкорда в 1846 г.

В июле того же года он отказался платить накопившийся долг по городскому подушному налогу на том основании, что правительство оправдывает и защищает рабство. В результате провел одну ночь в тюрьме, что стало основой знаменитого эссе «Гражданское неповиновение». Чуть позже он впервые поехал в штат Мэн и написал большую часть эссе «Ктаадн».

Торо было двадцать семь лет, когда он поселился в домике у Уолденского пруда. Будущий писатель окончил Гарвард девятнадцатым в рейтинге, пробовал преподавать, помогал своему отцу на семейной карандашной фабрике и подрабатывал у местных жителей за один доллар в день. Два года жил с Эмерсонами в качестве разнорабочего и садовника. Далее покинул Лонг-Айленд, где непродолжительное время давал уроки и изучал литературный рынок. Несмотря на поддержку Эмерсона, несколько стихотворений, опубликованных в ежеквартальном журнале трансценденталистов *The Dial*, не были замечены. По существу, знаменитым литератором Торо стал лишь после окончания лесной эпопеи 1847 года.

Его внешний вид резко выделялся и не раз упоминался в мемуарах. Придирчивый, но миролюбиво настроенный Готорн, временами живший в Конкорде, в 1842 году описал Торо так: «Молодой человек, в котором все еще сохраняется слишком много дикой первозданной природы... Он страшен, как смертный грех, — длинноносый, с капризным ртом и с неотесанными, какими-то деревенскими, хотя и вежливыми, манерами... Кажется, что он ведет индейскую жизнь среди цивилизованных людей. Под «индейской жизнью» я имею в виду отсутствие всяких систематических усилий в добывании средств на жизнь».

Джеймс Кендалл Хосмер вспоминал, как повзрослевший Торо «...стоял в дверях, а его волосы выглядели так, словно причесались сосновой шишкой. Рассеянный взгляд серых глаз, затуманенных глубокими раздумьями о чем-то далеком, выдающийся нос и растрепанная одежда со следами прогулок по лесам и болотам». Его ученик из Нью-Бедфорда, Дэниэль Рикетсон, по словам биографа Уолтера Хардинга, вспоминал «мягкость, доброту и ум синих глаз Торо» и отмечал, что «хотя его руки были длинными, ноги короткими, кисти и ступни крупными, а плечи заметно покатыми, во время ходьбы он отличался силой и энергичностью». Голос его гремел, даже к концу тирады, когда утихал из-за туберкулеза.

Последним путешествием писателя стала отчаянная поездка в Миннесоту, ради якобы целительных свойств ее сухого климата. Как вспоминал пастор унитарийской церкви Роберт Кольер, к которому он заглянул в Чикаго, «слова его были столь же явственными и приятными для слуха, как голос великого певца... Он то и дело на мгновение останавливался, подбирая нужное слово. Или с душераздирающим терпением делал паузу, чтобы справиться с болью

в груди. Но когда он заканчивал предложение, оно получалось идеальным и цельным, без изъяна, а слова — совершенными. Когда я время от времени читаю его книги, слышу не свой голос, а звучащий в тот день».

Как же Торо обрел свой литературный голос, куда благозвучнее современному уху, нежели напыщенное, суетное и витиеватое, как и положено бывшему священнослужителю, ораторство Эмерсона? Безграничный простор выразительных и нравоучительных предложений Эмерсона, скорее, утомляет нынешних читателей. Мы словно видим сидящих перед ним слушателей, наслаждающихся эпиграммами и благословениями. Атмосфера Торо более замкнута. Его взор обращен не на аудиторию, а на обширный мир ощущений, увиденных и названных с потрясающей точностью. Возьмем эти фразы, почти из начала «Недели»:

«Мы бесшумно скользили вниз по течению, иногда вспугивая щуренка из его убежища в кувшинках или леща из стайки. Порой медленно и тяжело поднималась маленькая выпь, чтобы ускользнуть от нас, или выпь побольше взлетала из высокой травы при нашем приближении, унося подальше свои длинные ноги, чтобы встать на них в безопасном месте. Черепахи тоже быстро ныряли в воду, когда лодка поднимала рябь на поверхности среди ив, разбивая отражения деревьев. Берега уже не блистали красотой, и еще недавно яркие цветы своими поблекшими красками показывали, что год клонится к закату. Но эти унылые оттенки придавали натуральность, и в остатках жары берега казались мшистыми стенами колодца с прохладной водой».

Все это — текучее созерцание, скользящее от одной выписи к другой, вплоть до парадоксального вывода, что увядающие краски усиливают «натураль-

ность» цветов, словно они выражают какую-то идею. Длинный абзац продолжает список латинских названий цветов на лугах Конкорда, а заканчивается наблюдением автора, как при первых лучах утренней зари на воде внезапно открываются белые кувшинки. «Когда я проплывал мимо, целые поля белых бутонов молниеносной вспышкой открывались передо мной, словно разворачывая знамя». Это не совсем «записки натуралиста», как у Гумбольдта или Одюбона, хотя слова и передают свежесть континента, все еще изучаемого и описываемого. Но это и жизнь, детальная манифестация обнадеживающей философии Эмерсона, изложенной теологическим стилем в его дебютной книге «Природа». Где «каждое природное явление — символ некоего духовного», где Природа лежит в основе Души, где «Душа меняется, формируется, преуспевает». Эмерсон одобрительно цитирует ученого-естествоиспытателя Сведенборга: «Видимый мир и взаимодействие его частей есть циферблат мира невидимого», и утверждает: «Аксиомы физики передают законы этики». Торо, впитавший идеализм Эмерсона, погрузился в великую метафору Природы и тоже превратился в подобие ученого. Как он позже назвал себя, «мистиком, трансценденталистом и вдобавок естествоиспытателем» — и автобиографом. В итоге автор собрал и передал в журналы два миллиона слов: редкие моменты и наблюдения, все более точные и утонченные, собранные отовсюду. Эмерсон, как и другие уважаемые жители Конкорда, скептически относился к столь личным и чудаческим проявлениям, рассказав своему дневнику, что «Торо не хватает немного честолубия... Вместо того чтобы возглавить американских инженеров, он стал распорядителем на вечеринке еловых шишек». Тяга Торо к фигуральному «сбору шишек» бросала его

в дали. Он бродил по побережью Кейп-Кода, где разбиваются волны, и поднимался на скалистую вершину горы Ктаадн в Мэне. Но все равно возвращался в глушь маленького Конкорда — микрокосма, ставшего для него космосом.

В своей работе «Американский Ренессанс» Ф. О. Маттиссен подчеркивает, сколь многим великие писатели этого периода обязаны английским литераторам семнадцатого века — Донну и Герберту, Марвеллу и Брауну, с их верой в согласованность между малым и большим, собственным внутренним миром и внешним миром Природы. «Сердце человека, — писал Донн, — великая книга творений Бога в миниатюре, и человеку незачем искать более». Джордж Герберт выразился так: «Человек — целый мир, и у него имеется еще один, вспомогательный», — таким образом включая Природу в духовные сферы божественной заботы. Во многом благодаря сходству, метафизическая поэзия семнадцатого века разожгла в духовных потомках пуритан пламя интроспективно заряженных частиц.

«Уолден» живет в своих частностях. Длинная вступительная глава «Хозяйство» — веселое и подробное описание строительства дома — «прочный, крытый гонтом и оштукатуренный, десять футов в ширину и пятнадцать футов в длину. Со стойками высотой восемь футов, с чердаком и чуланом; с каждой стороны — по большому окну с опускаемыми шторами, одна дверь в торце, а напротив нее — кирпичный камин», дополненное списком расходов — всего 28 долларов 11,5 цента. Коротко представив миру программу самообеспечения и жизни без излишеств, он перечисляет немногочисленные покупные продукты и блага, полученные с бобовых плантаций длиной в семь миль. Рассказывает, как приготовить пресный ржаной хлеб и индейскую пищу, а также «вкус-

ную патоку из тыквы или свеклы». Во время другого эксперимента автор ест лесного сурка, «несмотря на его мускусный запах», хотя и сомневается, что тот стал бы подходящим товаром в мясной лавке. Он делится с подробностями ведения хозяйства:

«Работу по дому я считал приятным времяпрепровождением. Когда пол загрязнялся, вставал пораньше и выставлял мебель прямо на траву, включая кровать с постельным бельем.

Лил на пол воду и посыпал его белым песком из пруда, а потом скреб щеткой, пока он не становился чистым и белым...»

Затем — и это прием его чуткой, насмешливой одаренности — он созерцает временно вынесенную мебель и подмечает интересную странность:

«Приятно было посмотреть на пожитки, сложенные небольшой грудой на траве и похожие на цыганский тюк. А трехногий стол, с которого не убиралась книги, перо и чернильница, стоял среди сосен и орешника... Стоило увидеть солнечные лучи на этих вещах и услышать, как по ним гуляет ветер. Самые привычные вещи выглядят намного интересней на природе, чем дома».

Торо не был обременен обязанностями, а потому времени хватало посмотреть на многое: как кормят птенцов синицы, как ручейки талой воды струятся вдоль железной дороги, «напоминая, если смотреть сверху, резные, рассеченные на доли, черепицеобразные слоевища некоторых лишайников». Одновременно он ликовал, «подбадриваемый музыкой тысяч звенящих ручейков и речушек, чьи вены наполнены кровью унесенной зимы». А в другие моменты он прислушивался к «слабому тонкому писку» птенца вальдшнепа, ведомого матерью по болоту. В «Звуках», самой виртуозной главе «Уолдена», отшельник слышит не только крики и шорохи много-

численных живых существ, но и, с удивительным одобрением, гудки и грохот поезда, едущего в полукилометре от домика по Фитчбургской железной дороге, вдоль края Уолденского пруда:

«Торговля, вопреки ожиданиям, уверенна и лишена суеты, проворна, предприимчива и неутомима. Вдобавок ее приемы гораздо естественнее многих утопичных начинаний и сентиментальных экспериментов... Я чувствую свежесть и простор, когда мимо с грохотом проезжает товарный поезд, и запах товаров, источающих ароматы весь путь от бостонского Лонг-Уорфа до озера Шамплейн».

Как видно, его восхищение Природой не избирательно; оно включает в себя и «железного коня», с шумом прокладывающего путь через леса и заслужившего несколько страниц хвалебной песни, завершающейся одним из его самых известных стихотворений. Оно начинается так: «Что для меня значит железная дорога? Я никогда не увижу, где она заканчивается».

В Конкорде 1840-х годов, по мнению Торо, люди «жили в тихом отчаянии», эксплуатируя себя так, что «не было времени на то, чтобы не быть просто машиной». В нашем же понимании это пасторальный мир, где паровой двигатель считается высшим техническим достижением, а главная работа — обычный фермерский труд. Именно у фермера, по словам автора, «бедная бессмертная душа, почти раздавленная и удушенная тяжким бременем. Ползущая по дороге жизни, волоча амбар размером семьдесят пять на сорок футов — авгиевы конюшни, которые никогда не будут вычищены». Именно фермера он встречает посреди ночи, когда тот гонит стадо, чтобы успеть на встречу рассвета в Бостоне. Ничем не обремененный отшельник в это время возвращается в уютный домик, чтобы лечь спать.